

Когда Рене, будучи ещё совсем неопытным новичком, только вступила в Отряд Тысячи Пределов, она услышала эти слова от тогдашнего заместителя командира. И всё случилось именно так, как он предсказывал: стоило ей дослужиться до главы группы А, как она воочию увидела его смерть.

Для Отряда Тысячи Пределов это было обыденностью. Ничем, что могло бы вызвать удивление или трепет.

Так продолжалось до тех пор, пока на этот пост не назначили Асира. Его «нулевой счёт поражений» превратил аномалию в привычный порядок вещей, заставив Рене и остальных поверить, что нынешний тандем лидеров останется неизменным навсегда. Однако не прошло и трёх лет с тех пор, как она возглавила группу, а кошмар повторился вновь... И в будущем ей суждено было увидеть гибель третьего, четвёртого, пятого заместителя... бесконечную череду смертей, если только она сама не падёт в бою или не уволится со службы. Иначе этот круг никогда не разомкнётся.

И пусть каждое сражение было уникальным, а опасности — непохожими друг на друга, итог всегда оставался неизменным.

Постоянная смена высшего руководства подрывала единство отряда. Чтобы сплотить это особое подразделение и создать «командное ядро», которое не исчезало бы вместе с катастрофически высокой смертностью на передовой, должность командира была определена как пост «штабного офицера». Его полномочия строго ограничивались административными вопросами: назначениями, передислокацией и снабжением.

Но поскольку бойцы Отряда Тысячи Пределов всегда шли в атаку первыми, те, кто занимал пост заместителя командира, сменялись с пугающей частотой. Они никогда не выходили в отставку — они лишь приносили себя в жертву, и это постепенно стало нормой. Это подразделение создавали двое: тот, кто никогда не появлялся на фронте, и его заместитель, который всегда находился в самом пекле...

За множеством доводов невозможно было скрыть единственную истину.

Командир Отряда Тысячи Пределов вкладывал в руководство свою душу, а заместитель — поддерживал существование отряда ценой собственной жизни.

— Отряд Тысячи Пределов создают не победы, а смерти, — едва слышно прошептала Рене.

Ей мучительно хотелось сорвать защитный шлем и сделать глубокий вдох воздухом, не пропущенным через фильтры, но это означало бы немедленную гибель. Нос словно заложило, дыхание прерывалось; она приоткрыла рот и ощутила на кончике языка едкую соль, перекрывающую привкус крови.

Она поняла, что плачет.

В подобных обстоятельствах слезы были постыдной слабостью, подрывающей боевой дух, но девушка не могла найти иного способа дать волю чувствам. Она больше не была властна над собой. В тот миг, когда слезы коснулись лица, все раны на теле отозвались резкой болью. Лишь левая нога оставалась совершенно бесчувственной, а ведь Рене так отчаянно хотела идти вперед — бежать, не оглядываясь.

Когда она начала терять равновесие, Посей подхватил её под руку. На этот раз у неё не осталось сил, чтобы оттолкнуть его.

— Заместитель командира... он... — начал было Посей.

Будучи рядовым из разведотряда военного ведомства, он только недавно попал на фронт, но уже был наслышан о судьбах тех, кто занимал этот пост. Точнее сказать, заместители командира в Отряде Тысячи Пределов были притчей во языцех среди военных. Об Асире же с его легендарным списком побед и вовсе ходили легенды.

Однако для разведчика это были лишь слухи, лишенный имени символ. Он не принадлежал к отряду и не мог знать офицера лично. На лице парня еще не затянулась рана, оставленная Рене; он не мог по-настоящему сопереживать их горю и лишь инстинктивно пытался помочь.

— Я могу чем-то помочь? — спросил он.

Не дожидаясь, пока тот договорит или попытается дотащить её до многоколёсного мотоцикла, Рене резким движением сбросила его руку.

— Эдо, ты как, двигаться можешь? Если да, собери всех способных стоять на ногах и начинайте поиск. Эдо!

Сначала её голос дрожал, едва слышный, но постепенно наполнился стальной, непоколебимой решимостью.

— Слышишь меня, Эдо?! Остальные, кто может двигаться! Живо искать заместителя! Найдите его... хотя бы тело!

Она выкрикнула это снова, и на этот раз её голос громом разнесся над руинами.

— Я пойду!

— И я.

— Я тоже.

— Да... я здесь, я могу идти...

Вслед за Рене начали откликаться остальные бойцы. Эдо пришел в себя последним.

— Дай мне пару минут. Собирай людей.

Говоря это, командир группы на ходу закреплял на ране временный гемостатический пакет. Как только люди были собраны, он распределил сектора для поиска.

Первым делом они наткнулись на останки изначальных. Придавленные сотнями тонн стали, их головы и тела превратились в бесформенное месиво, в котором уже невозможно было узнать живых существ. Затем начались завалы из обломков, образовавшиеся после взрыва — они почти полностью скрыли ровную площадку у врат, что в разы усложнило задачу. Но люди не сдавались, осматривая каждую щель и каждый зазор между глыбами, боясь пропустить малейший след Асира.

Время шло, минута за минутой. Они прочесали почти всё, но не обнаружили ни единой зацепки. Это было одновременно и благословением, и проклятием. Труп означал бы смерть, но отсутствие тела дарило призрачную надежду на спасение.

Вскоре доступные места закончились. Оставались лишь зоны, заваленные обломками после подрыва, где поиски без специального оборудования были смертельно опасны — неустойчивые конструкции могли рухнуть в любой момент. Любой, кто хоть немного смыслил в спасательных работах, знал: те, кто оказался под завалами, чаще всего погибают от удушья, и каждая секунда здесь на счету. Однако из-за большой потери крови силы стремительно покидали Эдо. Даже если бы он хотел расширить зону поиска или попытаться найти следы отступления Асира, технические и физические ограничения делали это невозможным.

— Глава группы Эдо, вы в порядке? — спросил один из бойцов, заметив его состояние.

Эдо качнул головой, давая понять, что помощь не нужна.

— Продолжай искать. Я только обработаю рану.

— Слушаюсь.

Проводив взглядом удаляющегося солдата и не переставая следить за окружением, офицер нашел место подальше от нагромождения обломков. Используя возможности своего шлема и боевого костюма, он быстро проглотил восстанавливающий паек и ввел обезболивающее прямо в вену. Предыдущая повязка лишь остановила кровь, но не могла исцелить само повреждение.

Разоблачив плечо, он увидел жуткий след: глубокий и широкий разрез, словно плоть сначала рассекли огромным лезвием, а затем грубо рванули в сторону. Мышцы были разворочены, и в глубине раны тускло поблескивала кость. Зрелище напоминало тряпичную куклу, из которой вылезла набивка.

Поскольку рана была нанесена когтями изначального, в кровь попал особый токсин, природа которого до сих пор не была до конца изучена. Яд постепенно парализовал тело, лишая его подвижности, и одновременно многократно усиливал болевые ощущения, туманя рассудок. Эдо пришлось использовать не только анестетик, но и входящую в стандартный комплект каждого костюма жидкую взрывную повязку вместе с инъектором с антитодом. Только после этого к нему вернулась способность действовать.

Жидкий состав мгновенно прилип к коже, образуя на поверхности мягкую, но прочную полимерную пленку, не пропускающую воздух и бактерии. Это не только изолировало рану любой формы, но и обеспечило кратковременную компрессию и дезинфекцию, заменяя собой полноценные швы.

Закончив с обработкой, командир группы не стал вводить себе вторую дозу обезболивающего. Вместо этого он использовал ампулу с препаратом, напоминающим концентрат крови, чтобы восполнить кровопотерю, ускорить регенерацию и стабилизировать давление, предотвращая повторный обморок.

Конечно, боль в плече никуда не делась. Напротив, под воздействием антисептика и без дополнительной анестезии она вспыхнула с новой силой. Прямая, пульсирующая боль была совсем не похожа на то онемение, что он чувствовал раньше; теперь она непрерывным потоком сигналов транслировалась через нейроны в мозг, пробуждая самый древний инстинкт выживания — осознание боли.

Это был сигнал тревоги, кричащий о смертельной угрозе. Но одновременно он означал одно — ты всё ещё жив. Мертвые боли не чувствуют.

Смерть. Эдо так и не смог привыкнуть к этому слову, сколько бы раз ни слышал его и сколько бы раз ни видел её плоды своими глазами. Именно поэтому он испытывал страх. Именно поэтому он продолжал бороться до последнего вздоха, даже если это казалось тщетным. В этом смысле ему никогда не суждено было сравниться с Асиром. Возможно, то, что его не назначили заместителем командира, было не проклятием, а величайшей удачей, подарившей ему право на жизнь...

Внезапный холод заставил бойца инстинктивно выгнуть спину. Годы опыта сработали как ушат ледяной воды: он мгновенно собрался и перекатился в сторону, чудом уйдя от удара острого когтя. Скорость атаки была запредельной — Эдо не успел даже вскинуть оружие, как его винтовка была срезана и пришла в негодность.

Он быстро огляделся, но врага не увидел. В следующее мгновение первобытный ужас заставил волосы на затылке встать дыбом, а сердце забилось так яростно, будто сосуды вот-вот лопнут.

Это чувство было Эдо слишком хорошо знакомо. Как и сама атака. Так тело реагирует на появление естественного врага.

Изначальный.

Но это был совсем иной тип — существо, чья скорость многократно превосходила всё, с чем они сталкивались прежде. Окровавленный Эдо был для него идеальной, соблазнительной целью. Беззащитный ужин, выставленный прямо перед носом хищника. Дрожащей рукой он потянулся к запасному оружию, но нащупал лишь легкий пистолет, который в этой ситуации был не полезнее детской игрушки.

А затем новый приступ изумления, смешанного со страхом, заставил его широко раскрыть глаза. Он наконец увидел нападавшего. Скорее, тот сам позволил себя увидеть, застыв в нескольких шагах и с интересом разглядывая человека.

Перед ним стоял неестественно красивый «маленький мальчик».

«Это действительно "маленький мальчик"».

Асир смотрел на него и думал именно об этом. С того самого мгновения, как он понял, что скорость многоколёсного мотоцикла падает, решение было принято. Он спрыгнул с машины на полном ходу, чтобы задержать появившихся изначально и дать Эдо шанс на спасение.

Чтобы погresti преследователей заживо под обломками врат, Асир выстрелил, подорвав многоколёсный мотоцикл, и, разумеется, не успел покинуть зону поражения. Взрывная волна и удар подбросили его в воздух, а затем с жестокой силой швырнули на землю. Оружие отлетело в сторону, сам он на несколько секунд потерял сознание.

Единственным, что спасло его, был боевой костюм: система защиты приняла на себя энергию взрыва и падения, не позволив летящим осколкам прошить тело насквозь. К счастью, Асир быстро пришел в себя. Повинуясь инстинктам, он откатился в сторону и благодаря своим феноменальным рефлексам нырнул за ближайшее укрытие, сгруппировавшись в ожидании, пока стихнет канонада.

Когда всё улеглось и Асир, убедившись в безопасности, поднял голову, он увидел этого прекрасного ребенка. Мальчик был поразительно красив. Настолько, что с первого взгляда его можно было принять не за человека, а за эльфа.

Если бы у этого существа не было когтей длиннее человеческой ладони, если бы в его оскале не поблескивали два ряда острых, как иглы, зубов, и если бы он не пережевывал сейчас часть голени в лохмотьях боевого костюма, потерянную кем-то из бойцов в недавней схватке, Асир

никогда бы не поверил своим глазам.

Хруст перекусываемых костей заставлял кровь стечь в жилах. Взгляд «ребенка», исполненный жуткой, хищной чистоты, пригвоздил Асира к месту. Единственное, что он мог сделать в тот момент — это не сводя глаз смотреть на «маленького мальчика», который продолжал свою трапезу, и мгновенно сделать вывод.

Изначальный. Но он не имел ничего общего с теми обычными типами, которых они истребляли до этого. Ни в силе, ни во внешности, ни в уровне интеллекта.

Осознав это, Асир понял, почему существо не напало сразу. Он сам не проявлял агрессии, а «маленький мальчик» еще не закончил со своей едой. Прежде чем он успел обдумать следующий шаг, земля под ногами ощутимо вздрогнула.

Словно нечто колоссальное, какой-то гигантский зверь на огромной скорости несся прямо к ним.

<http://bllate.org/book/15827/1440135>